

ИСТОРИЯ

В.А. Дмитриев

САСАНИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ИЗВЕСТИЯХ РИМСКОГО ИСТОРИКА АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Сочинение Аммиана Марцеллина, известное под названием "*Res gestae*" ("Деяния") [2] и являющееся важнейшим источником по истории Римской империи в IV в., содержит значительный объем информации, касающейся не только Рима, но и его соседей, в том числе – сасанидского Ирана. Основное внимание Аммиан уделяет событиям, происходившим в современной ему Персии и связанным в основном с борьбой Рима и Ирана за гегемонию в Передней Азии. Однако помимо событийной стороны персидской истории эпохи Шапура Великого (309 - 379), "Деяния" содержат и ряд сведений, характеризующих состояние отдельных сфер жизни сасанидского государства в указанный период.

Прежде всего, следует отметить те сведения, которые сообщает Аммиан о **границах Сасанидской державы** и их изменениях. В силу ряда причин (личное пребывание на территории персидских владений в Месопотамии, географическая близость этих районов к римским границам и др.) Аммиан сообщает информацию в основном о западной границе сасанидского Ирана. В этом отношении важны сведения, сообщаемые Аммианом Марцеллином о римско-персидском договоре 298 г. н. э., по которому царь Нарсе (293 - 302) отказывался в пользу Рима от пяти областей в Северной Месопотамии. Историк указывает, что Шапур II требовал вернуть ему эти территории (*regiones Transtigritanas*), и приводит их список: Арзанена, Моксоена, Забдицена, Регимена и Кордуэна (XXV. 7. 9). Здесь мы имеем возможность сравнить данные Аммиана и Петра Патрикия, также оставившего описание мирного договора 298 г. По словам Петра, римляне получили Интилену, Софену, Арзанену, Кордуэну и Забдицену (Fr. 13). Совпадают названия трех областей (Арзанены, Кордуэны и Забдицены); что касается двух остальных, то здесь, скорее всего, предпочтение следует отдать списку Аммиана, имевшего достаточно высокое положение при штабе императора в момент заключения договора 363 г. (при описании которого историк и сообщает о событиях 298 г.) и, следовательно, вряд ли допустившего ошибку в таком важном вопросе.

В описании персидского похода императора Юлиана (361 - 363) содержится ценное упоминание о переходе римской армией границы Персии. Аммиан указывает, что, перейдя реку Абору (совр. Хабур), римляне оказались на вражеской территории, что заставило Юлиана предпри-

нять повышенные меры безопасности и изменить походный порядок своих войск (XXIV. 1. 2 - 4). Кроме того, после форсирования реки император обратился к войску с речью, в которой отмечал, что "не теперь впервые... проникли римляне в Персидское царство" (XXIII. 5. 16). Таким образом, из слов Аммиана Марцеллина следует, что рубежом между владениями империи и сасанидского Ирана в Месопотамии на момент появления там войск Юлиана Отступника являлась Абора, левый приток Евфрата (XXIII. 5. 4 - 5).

В связи с событиями 363 г. стоит и сообщение Аммиана об очередном изменении границы между Римом и сасанидским Ираном. По условиям мирного договора 363 г., заключенного с персами после гибели Юлиана его преемником Иовианом (363 - 364), к Персии переходило пять перечисленных выше областей в Северной Месопотамии (в основном - в верхнем течении Тигра), завоеванных римлянами при Диоклетиане (284 - 305) (XXV. 7. 9). Таким образом, спустя шесть с половиной десятилетий *status quo* было восстановлено.

Представление об остальных участках границы Персидского государства у Аммиана было крайне смутным, если не сказать фантастическим. В состав Персии Аммиан включал всю известную римлянам Азию к востоку от Евфрата, что говорит о полном отсутствии у него каких-либо точных сведений по данному вопросу. Единственный момент, где Аммиан (скорее всего, сам того не подозревая) дает верную информацию, – это его сообщение о том, что Персидское царство "простирается до реки Ганга" (*ad Gangen extenditur flumen*) (XXIII. 6. 13). Хотя сам историк явно понимал под этим Гангом одну из двух великих рек Индии (он пишет, что Ганг "прорезает земли индийцев" (XXIII. 6. 13)), однако в данном случае речь, скорее всего, идет о Канге – т.е. Сырдарье [37, с. 228; см. также: 44, с. 21], действительно являвшейся границей Персии, но не на востоке, а на севере – в Средней Азии.

Ряд сведений, сообщаемых Аммианом о Персии эпохи Шапура II, касается **административно-территориального деления** державы Сасанидов и управления ее отдельными областями. Историк отмечает, что Персия состоит из ряда "важнейших областей" (*regiones maximae*), и приводит их список (XXIII. 6. 14). По словам историка, этими областями "управляют витаксы, т.е. командиры конницы, цари и сатрапы" (*vitaxae id est magistri equitum curant, et reges et satrapae*) (XXIII. 6. 14). *Vitaxae*¹ – это хорошо известные по сасанидской эпиграфике битахши, или питахши (*bithšy*). Эта должность известна еще с парфянского времени, когда ее обладатель являлся одним из высших государственных чиновников [30, с. 47 - 48; 13, с. 196]²; в государстве Сасанидов пост с таким названием сохранился и также был одним из ключевых [10, с. 288; 60, с. 243 - 244]³. Так, в надписи Нарсе из Пайкули битахш по имени Папак упомянут сразу за сыновьями шаханшаха и членами его семьи [24, с. 62; 23, с. 25 - 26]. Вопрос о точном значении термина "битахш" в современной науке так и не решен [см. об этом: 24, с. 62; 28, с. 38 - 40]. Почему Аммиан называет битахшей командиры конницы, трудно сказать определенно. Возможно, прав был Т. Моммзен, объяснявший это тем, что "витаксы", как и римские наместники, соединяли в своих руках и гражданскую, и военную власть, а войско персов было в основном конным [29, с. 256]. Иное, более убедительное объяснение найти трудно.

Информация о том, что отдельными областями Персии, кроме витакс, управляют цари и сатрапы, тоже имеет под собой основание. Известно, что во главе некоторых областей Сасанидского государства, имевшего достаточно пеструю административно-территориальную структуру, стояли шахи (цари) (например, во главе Маргианы – Марв-шах, Сакастана – Саган-шах, быв-

¹ Т. Моммзен считает, что правильно следует писать *vistaxae*. При этом он ссылается на Гесихия, у которого есть фраза «βίσταξ ο βασιλεύς παρ Πέρσις» ("бистакс, царь у персов") [29, с. 256].

² Согласно известному пергамену X из Дура-Европоса [см.: 60, Р. 1 - 78], бдешх являлся стратегом Месопотамии и Паропотамии, арабархом, а также, возможно, остандаром, т.е. правителем остана (царского хозяйства в той или иной области). Р. Фрай, однако, полагает, что парфянские бдешхи управляли подконтрольными Аршакидам районами Закавказья, и переводит этот термин, сопоставляя его с понятием "ногодар" ("занимающий первое место"), как "занимающий второе место" [46, с. 266].

³ По мнению Р. Фрая, при Сасанидах роль питахша стала менее значительной, чем при Аршакидах [46, с. 288].

ших кушанских владений – Кушан-шах, и др.) и шахрапы (сатрапы) [см.: 13, с. 288]. В то же время нельзя согласиться с утверждением Н.В. Пигулевской, что цари албан и хионитов, сопровождавшие Шапура в походе 359 г., также управляли областями (шахрами) в составе сасанидского Ирана [33, с. 208] - сведения Аммиана четко показывают, что они были именно союзниками Шапура, почти равными ему по статусу, но никак не его подданными.

В связи с вопросом об описании Аммианом Марцеллином провинциального управления в сасанидском Иране заслуживает внимания слово "Ногодарес", употребляемое историком как личное имя сасанидского вельможи (XIV. 3. 1 - 2). "*Nohodares*" Аммиана – это никто иной, как *nahwadār* – крупный чиновник, управлявший отдельной областью сасанидского государства [27, с. 50]. Термин *nahwadār* хорошо известен по парфянским источникам, однако в письменных источниках сасанидской эпохи он практически не встречается. Упоминание о нем в сочинении Аммиана позволяет сделать вывод о том, что нахвадары существовали в Персии и в IV в. н.э. Как отмечают А.Г. Периханян и М.М. Дьяконов, в царстве Аршакидов нахвадар имел тот же статус, что и сатрап, но если сатрапы управляли южными сатрапиями, то нахвадары - северными [30, с. 50; 13, с. 390]. По мнению Р. Фрая, *nahwadār* означает не имя военачальника, как ошибочно полагал Аммиан, а один из высших титулов, дававшихся приближенным царя и его телохранителям [54, р. 220]. При чем ошибка Аммиана может иметь вполне объяснимые причины, если учесть, что сами персы (еще с парфянской эпохи) часто заменяли личное имя присвоенным тому или иному сановнику титулом [46, с. 265]. Кроме того, Р. Фрай переводит "*nahwadār*" как "державший первое место" [46, с. 265]. Исходя из сказанного, можно предположить, что упоминаемые Аммианом "Ногодарес" и персидский военачальник Тамсапор (*Tamsapor*)⁴ (XVI. 9. 2 - 3) – это на самом деле одно и то же лицо (нахвадар по имени Тамсапор), из-за недостаточного знания ситуации автором "Деяний" выступающее в них как два разных сасанидских военачальника. Следует также заметить, что от термина *nahwadār* ведет свое происхождение древнеармянское слово "нахарар" (*naḫarar*), часто встречающееся в армянских источниках и имевшее сходное значение со своим прототипом [55, р. 132 - 136; 30, с. 49; 13, с. 390; 46, с. 265].

Значительное место в "Деяниях" отводится характеристике **центральной власти**, сосредоточенной в освещаемый Аммианом период в руках Шапура II, и самого Шапура II.

Наиболее подробное описание царя Аммиан Марцеллин дает при освещении событий, связанных с кампанией 359 г. Рассказ о появлении Шапура под стенами римской крепости Амиды Аммиан сопровождает достаточно подробным описанием его внешности: "Верхом на коне, возвышаясь над другими, сам царь ехал впереди своих войск, с золотой диадемой в форме бараньей головы, украшенной драгоценными камнями..." (XIX. 1. 3). Словесное описание Шапура II (и особенно его головного убора) в "Деяниях" совпадает с персидскими изображениями сасанидских царей [см. напр.: 42, с. 551]. Культ барана, бараньих рогов известен в Иране и Средней Азии с глубокой древности [10, с. 146; 20, с. 57, 87 - 91, 110 - 111]. Баран, согласно зороастрийским верованиям, символизировал Фарн – божество царской власти, могущества, победы (Яшты. 14. 11 - 13) [см. также: 47, с. 134 - 136; 19, с. 206]. По официальной версии, Фарн в образе горного барана сопутствовал первому Сасаниду – Арташиру I (226 - 242) – в его победе над парфянами [28, с. 97]. Как считает В.Г. Луконин, именно при Шапуре II в Персии изображения баранов как символов Фарна получают широкое распространение [28, с. 97; 27, с. 79; 25, с. 119; 26, с. 209 - 210]. Вызвавшая удивление у Аммиана "диадема" Шапура II была ни чем иным, как кулаком – особым головным убором персидских царей, выполнявшим и роль инвеститурного знака [22, с. 12]. Таким образом, Аммиан в данном случае сообщает безусловно достоверную информацию, подкрепленную персидскими источниками⁵.

⁴ "Тамсапор" Аммиана Марцеллина - это, вероятнее всего, персидское имя *Tahm-Šapuhr* - "сильный (могучий) Шапур". По мнению В. Энслина, имя "Тамсапор" давалось исключительно представителям правящей династии, а случай, когда это имя носил упоминаемый в "Деяниях" персидский полководец, являлся исключением [см.: 53, S. 2149 - 2150].

⁵ А. Бивар, однако, выдвинул предположение, что описанный Аммианом как Шапур II правитель на самом деле являлся кушаншахом Вахрамом II, поскольку именно он на своих монетах изображался с короной в виде бараньих рогов [см.: 54, р. 345].

Историку было известно о сакральном характере царской власти в Персии. Это следует из письма Шапура императору Констанцию II (337 - 361), содержание которого приводит Аммиан и в котором шаханшах называет себя "братом Солнца и Луны" (*frater Solis et Lunae*) (XVII. 5. 3). Кроме того, в начале "персидского" экскурса Аммиан Марцеллин также отмечает, что "гордые цари этого народа именуются братьями Солнца и Луны" (XXIII. 6. 5). Информация Аммиана Марцеллина и здесь согласуется с данными персидских источников. Из нумизматических (легенд сасанидских монет), эпиграфических (надпись царя Нарсе в Пайкули) и изобразительных (инвеститурные рельефы сасанидских царей [см.: 53, pl. 8]) данных известно, что Сасаниды действительно наделяли себя самих и свою власть божественными чертами [21, с. 51, 57, 62; 27, с. 68]. Как отмечает В.Г. Луконин, уже инвеститурные рельефы Арташира I и Шапура I (242 - 272) "провозглашали перед всем Ираном, что власть над страной пожалована им самим Ахура Маздой. Их государственная монета прокламировала и в Иране, и в Римской империи, и во всех соседних государствах, что сасанидские владыки - "поклоняющиеся Мазде... происходящие от богов" [28, с. 73; см. также: 67, S. 376; 66, p. 820]. Есть основание считать, что обожествление царя в сасанидском Иране во многом было обусловлено и тем, что первоначально сами Сасаниды (еще при Аршакидах) были верховными жрецами храма богини Анахиты в Истахре [см.: 28, с. 83]. Следует также заметить, что традиция сакрализации царя и его власти ко времени Аммиана уже была очень древней и насчитывала порядка пяти веков, возникнув еще в эпоху Селевкидов [46, с. 274]⁶.

Заслуживает внимания и известие Аммиана Марцеллина о том, что "маги хранят у себя... зажженный от упавшего с неба камня огонь, частица которого, как приносящая благополучие, была некогда подносима, как говорят, азиатским царям" (XXIII. 6. 34). Если учесть, что для Аммиана Марцеллина слово "азиатский" было равнозначно слову "персидский", а само приведенное выше сообщение помещено им в экскурс о Персии, то с уверенностью можно предположить, что речь в данном случае идет о древнем обычае возжигания священного огня во время коронации правителя, распространенном в Иране с эпохи первых Аршакидов и символизировавшем божественную сущность царской власти [18, с. 216; см. также: 46, с. 286; 61, p. 277]. С момента возжигания "царского огня" велось летоисчисление правления того или иного царя [см.: 24, с. 31].

Важная в данном отношении информация содержится в кратком историческом экскурсе, открывающем географическое описание Персии в XXIII книге "Деяний". Аммиан указывает, что "всякий перс боится, как *святотатства* [курсив мой. - В.Д.], ударить своей рукой Аршакида, будь он воин или частный человек" (XXIII. 6. 6). Если учесть, что под Аршакидами Аммиан понимал правящую в современной ему Персии династию, то данное свидетельство является, безусловно, прямым указанием на священный характер не только власти, но и самой личности царя в сасанидском Иране. Косвенным подтверждением этой же мысли служит и упоминание Аммиана о том, что, будучи при приближении к укреплениям Амиды обстрелянным из баллист, Шапур пришел в "ярость, словно мы [римляне. - В.Д.] были повинны в наглom святотатстве" (XIX. 1. 6).

Для характеристики статуса царя в сасанидском Иране ценными являются сообщаемые Аммианом сведения, касающиеся отношения к Шапуру со стороны его подданных. Историк отмечает, что под Амидой персы громкими криками прославляли царя, именуя его "*Saansan*" и "*Pirosen*", что он трактует как "царь, повелевающий царями" и "победитель в битвах" (XIX. 2. 11). "*Saansan*" – это ни что иное, как "šāhānšāh" – "царь царей" [50, p. 978]. Уже Арташир I - основатель державы Сасанидов – сделал это выражение частью своего титула [15, с. 39; 46, с. 290], и затем оно прочно закрепилось как неотъемлемая часть титулатуры сасанидских правителей. "*Pirosen*" уверенно можно трактовать как среднеперсидское "*pyrwc'n*" – "победоносный" [см.: 28, с. 131 - 132; 50, p. 978]. По всей видимости, это было чем-то вроде почетного прозвища царя, прославляющего его эпитета.

---

⁶ Р. Фрай отмечает также, что при Ахеменидах царская особа еще не имела сакрального характера [46, с. 135 - 137].

Резиденцией царя в зимнее время года был, по словам Аммиана Марцеллина, Ктесифон (XXIX. 1. 4) [58, р. 446]. Об этом косвенно говорит и тот факт, что во время битвы под Ктесифоном (лето 363 г.) царь находился достаточно далеко и не мог сразу принять участие в организации обороны столицы (XXIV. 7. 1). Видимо, лето, отличающееся в Месопотамии сильнейшей жарой, Сасаниды предпочитали проводить в более прохладных районах Ирана [ср.: 7, XVI. 1. 16; см. также: 51, р. 120]⁷.

Сам Ктесифон, его предместья и окрестности Аммиан описывает в той мере, в которой ему это было необходимо для характеристики хода боевых действий во время персидского похода императора Юлиана. Однако общая картина вырисовывается достаточно четко. Прилегающая к Ктесифону территория была занята "рощами и полями" (XXIV. 5. 1), отличавшимися ухоженностью и хорошей обработкой почвы (XXIV. 5. 3). Здесь же находились загородные резиденции царя (XXIV. 5. 1 - 2) и, возможно, персидской знати (XXIV. 6. 3). Загородный царский дворец был, согласно Аммиану, построен в римском стиле, что, вероятнее всего, было следствием использования труда пленных римских архитекторов и строителей. Неподалеку от дворца располагался особый загон для царской охоты, где в вольерах содержались дикие животные - львы, кабаны, медведи и "другие отборные огромные звери" (XXIV. 5. 2). Такие охотничьи парки известны в Персии с глубокой древности [см.: 64, р. 1442 - 1443]. Еще историки Александра Македонского сообщали о подобном парке, находившемся неподалеку от Мараканд, где македонянами во главе с самим Александром было перебито четыре тысячи содержавшихся там зверей [6, VIII. 1. 11 - 19]. Как отмечает Курций Руф, такие охотничьи парки являлись "главным признаком богатства в этой варварской стране" [6, VIII. 1. 11]. В эпоху Сасанидов традиция устройства подобных парков сохраняется, что следует не только из слов Аммиана Марцеллина, но и из персидской иконографии. В частности, на рельефе в Так-и Бустане, изображающем царскую охоту на газелей и оленей (рис. 1), четко видно, что все происходит в специально сооруженном охотничьем парке, представляющем собой значительный по площади загон с узким входом, через который в него впускают животных [см.: 26, с. 187]. На другом рельефе, изображающем охоту на кабанов (рис. 2), также видно, что территория (судя по всему, представлявшая собой болото), где происходит царская охота, обнесена изгородью [см.: 26, с. 186], т.е. даже в дикой местности для подобных мероприятий создавались условия, приближенные к условиям специально оборудованного охотничьего парка.

С вопросом об административной системе сасанидского Ирана и власти Сасанидов тесно связаны сообщаемые Аммианом Марцеллином сведения о представителях **знатных родов**, игравших в Персидском государстве важную роль и занимавших высшие государственные посты. Историк упоминает имена двух персидских вельмож. В первую очередь, это Сурена (Surgena) (XXIV. 2. 4; 3. 11; 4. 7; 7. 12; XXV. 7. 5; XXX. 2. 5, 7). Сурена в изображении Аммиана – прежде всего военачальник, командующий значительными воинскими контингентами. Кроме того, дважды (XXV. 7. 5; XXX. 2. 5) он выступает в качестве главы делегации, направленной Шапуром II к римлянам для ведения переговоров. Дважды Сурена характеризуется Аммианом и как второе лицо в государстве после царя (XXIV. 2. 4; XXX. 2. 5). Сурена в данном случае – это, скорее всего, не личное имя одного из персидских военачальников, а название парфянского рода, к которому он принадлежал. Род Суренов еще при Аршакидах являлся одним из знатнейших в Иране (5, Crass. XXI) [13, с. 283; 46, с. 252, 262], и его представители, как правило, являлись именно военачальниками [31, с. 38]. О важной роли Суренов в Парфии говорит и тот факт, что их представители возлагали царскую диадему на голову царя во время коронации (4, Ann. VI. 42).

---

⁷ О невыносимой летней жаре в Месопотамии сообщает тот же Страбон [7, XV. 3. 10], а также Геродиан [3, VI. 6. 2, 4].

Рис. 1. Сцена царской охоты на оленей. Рельеф в Так-и Бустане.

Рис. 2. Сцена царской охоты на кабанов. Рельеф в Так-и Бустане.

Представляется, что в сасанидском Иране статус рода Суренов был не менее высок. Это было обусловлено, видимо, в первую очередь тем, что на этапе возникновения Новоперсидской державы они перешли на сторону Сасанидов, и во многом благодаря именно их поддержке Арташир I смог утвердить в Иране свою власть [см.: 28, с. 38 - 40, 84]. Следует отметить, что в надписях Шапура I на "Каабе Зороастра" и Нарсе в Пайкули род Суренов назван одним из первых вслед за представителями царствующей династии [24, с. 62; 46, с. 288]. В сасанидскую эпоху владения Суренов находились в Андегане (современный Систан) [35, с. 174; 13, с. 283; 46, с. 288]. Таким образом, Аммиан был недалек от истины, считая Сурену вторым лицом в Персии после царя.

Помимо Сурены, Аммиан называет в числе высших персидских военачальников некоего Мерену (*Merena*). Аммиан дважды упоминает это имя (XXV. 1. 11; 3. 13), и оба раза Мерена выступает в качестве одного из командующих персидским войском. Мерену представляется возможным идентифицировать как представителя рода Михранов (букв.: "почитателей Митры" [8, с. 61]), так же, как и Сурены, известного еще с аршакидской эпохи [17, с. 51; 46, с. 262], однако особенно возвысившегося именно при Сасанидах [52, р. 103 - 105; 13, с. 283]. В парфянскую эпоху владения Михранов находились в области Раги (близ современного Тегерана) и в Парсе [35, с. 174; 16, с. 116; 46, с. 262].

Ряд ценных сведений Аммиан Марцеллин сообщает о развитии **торговли** в современной ему Персии, а также о роли сасанидской державы в международных торговых контактах. При этом известия, сообщаемые историком по данному вопросу, довольно четко делятся на две группы: сведения а) о сухопутной и б) морской торговле.

Аммиану известно о великом азиатском торговом пути, связывавшем Китай с античным миром и проходящем через территорию Персии. Он сообщает об "очень протяженном пути" (*iter longissimum*), по которому "ведутся активные торговые сношения с серами [т.е. китайцами. – В.Д.]" и который, по его сведениям, проходит через землю проживающих в Персии саков, у подножья Комедских гор (XXIII. 6. 60). Аммиан называет и один из пунктов этого торгового пути, а именно - Каменную башню (*vicum quem Lithinon pyrgon appellant*) (XXIII. 6. 60). Все это позволяет достаточно точно определить источник, к которому в данном случае восходят сведения Аммиана Марцеллина. Таковым, бесспорно, является "Географическое руководство" Клавдия Птолемея, где автор, опираясь на данные купца Марина Тирского, достаточно подробно описывает путь в страну серов [т.е. Китай. – В.Д.] и неоднократно отмечает, что он проходит именно через Каменную башню (I. 12), а также через Комедские горы (I. 12) и землю саков (I. 16). Посредников, стоящих между Птолемеем и Аммианом, определить невозможно, но ясно, что автор "Деяний" использовал не оригинальный текст "Географического руководства", а его краткое изложение, поскольку при описании торгового пути он не следует буквально Птолемию (так, Аммиан упоминает Асканимские горы (*Ascanimia mons*), которые известны Птолемию под названием гор Аскатанкас (*Ασκατάγκας*) (VI. 13. 1, 3; 14. 13)).

Видимо, приводимая Аммианом информация о трансзиатских торговых путях была основана не только на письменных источниках. Говоря о неудавшейся военной акции персов, направленной на захват города Батна, историк упоминает о том, что здесь должна была проходить ярмарка, на которую стекалось "великое множество людей... для закупок товаров, присылаемых индийцами и серами, и всяких других" (XIV. 3. 3). Стало быть, о торговле с восточными странами Аммиан мог узнать и из слов самих торговцев, бывавших в Китае или Индии.

Следует отметить, что единственным восточным товаром, который отдельно упоминает Аммиан Марцеллин, является шелк, который он называет "серик" (*sericum*). Подобное внимание историка к торговле шелком не случайно. Еще Н.В. Пигулевская в своих работах [32; 34; 36] убедительно показала значимость закупки шелка-сырца для Римской (а позднее – и Византийской) империи начиная именно с IV в. н.э. [32, с. 185; 34, с. 84] Развивающееся в восточной части Римской империи шелкопрядильное ремесло требовало ввоза сырья из-за рубежа, т.е. из Китая, через территорию сасанидского Ирана. Миновать владения Сасанидов торговцы могли, лишь обогнув с севера Каспийское море и переправившись через Кавказский хребет, однако этот путь

был гораздо длиннее и опаснее, чем традиционный, через территорию Ирана. В результате вся сухопутная торговля шелком (как и другими товарами) находилась под контролем Сасанидов [32, с. 186 - 187; 34, с. 110; 36, с. 3].

В "Деяниях" содержится информация и о персидской морской торговле. Описывая границы Персии, Аммиан сообщает, что на персидском побережье расположено много городов и селений, и здесь происходит оживленная морская торговля (*per oras omnes oppidorum est densitas et vicorum naviumque crebri discursus*) (XXIII. 6. 11). В Персидском море, по его словам, также идет активная торговля (XXIII. 6. 10). Исследования Н.В. Пигулевской показали, что в позднеантичную и раннесредневековую эпохи морская торговля в северо-западной части Индийского океана действительно был очень оживленной, и первенство здесь принадлежало именно персидским купцам, с которыми могли конкурировать лишь торговцы из Эфиопии; в связи с этим римское, а затем и византийское купечество было вынуждено поддерживать тесные контакты с эфиопскими торговыми кругами, дабы не зависеть от персидских торговцев [32, с. 186; 34, с. 170].

Общий план описания Аммианом Марцеллином торговых путей, проходящих у побережья Персии, показывает, что автор "Деяний" использовал здесь главным образом устные сведения, полученные им от мореплавателей-купцов, которые хорошо знали находившиеся здесь морские коммуникации. На это указывает то, что информацию о проливе, отделяющем Персидское море от океана, Аммиан предваряет глаголом *"perhibentur"* ("говорят", "утверждают"). Кроме того, само описание морского побережья Персии выглядит как описание пути, который проделывает путешественник, плывущий на корабле по Евфрату, затем – по Персидскому морю, а затем выходящий в открытый океан. При этом основное внимание уделено состоянию морской торговли именно в описываемом регионе, что и указывает на представителей купечества как информаторов Аммиана Марцеллина. Здесь мы еще раз можем вспомнить о родине Аммиана – Антиохии Сирийской, являвшейся одним из главных центров восточной торговли в Поздней (затем – и Восточной) Римской империи, где, вероятнее всего, историк и почерпнул сведения о торговых путях, пролежавших у берегов Персии.

Важным для характеристики представлений Аммиана о современном ему Персидском государстве (а именно – о его религиозной системе) является экскурс о **магах** (XXIII. 6. 32 - 36) и связанные с ним сведения. Аммиан сообщает, что маги являются народом, издревле проживающим на территории Мидии и владеющим плодородными землями (*Magorum agri sunt fertiles*) (XXIII. 6. 32). Число магов первоначально было очень невелико (*exilis*), однако затем их племя значительно увеличилось и составило особую категорию (*firmitudine communitas*) населения Персии (XXIII. 6. 35). При этом маги, согласно Аммиану, параллельно являлись и религиозным объединением, выполнявшим у персов важные жреческие функции: "Было грехом приблизиться к жертвеннику или коснуться жертвы прежде, чем маг, произнеся по определенной формуле молитву, не совершит предварительных возлияний" (*eratque piaculum aras adire vel hostiam contrectare, antequam magus conceptis precationibus libamenta diffunderet praecursoria*) (XXIII. 6. 35). Как отмечает Аммиан, в современную ему эпоху магам "разрешено жить по своим особым законам, и из уважения к религии они пользуются высоким почтением" (XXIII. 6. 35). Характеристика высокого социального статуса магов в сасанидском Иране, данная Аммианом Марцеллином, находит полное подтверждение в персидских источниках, и прежде всего – в надписи Картира в Накш-и Рустаме. Картир – глава корпорации магов – возвысился при первых Сасанидах, а именно – при Ормизде I (272 - 273), Варахране I (273 - 276) и, в особенности, Варахране II (276 - 293). Если два первых правителя приблизили Картира к престолу, сделав его магупатом (главой сословия магов) и удостоив его кулаха и камара (специального головного убора и пояса, означавших принадлежность к высшей аристократии), то Варахран II сделал его практически вторым лицом в государстве [см.: 46, с. 301]. В надписи Картира по этому поводу говорится: "Для удовольствия Ахура Мазды и богов и души своей ради этот [Варахран II. – В.Д.] мне в стране пожаловал более высокое место и владетельность, и мне место и власть великих он дал... И сделал он меня по всей стране адвенпатом и владыкой... храма огня Анахиты... И дал он мне имя: "Картир, хранитель души Варахрана,

магупат Ахура Мазды... И от шахра к шахру, от области к области, по всей стране дела Ахура Мазды и богов возвысились, и вера маздаяснийская и маги получили по всей стране великое господство..." [цит. по: 28, с. 88]⁸. Таким образом, в конце III в. н.э. положение магов в сасанидском Иране резко усилилось, и с этого времени, как отмечает В.Г. Луконин, "вся дальнейшая внутренняя история сасанидской державы во многом определялась той ролью, которую играло при дворе в стране зороастрийское жречество" [28, с. 44]. Исходя из косвенных данных, можно предположить, что при Шапуре II значение магов в жизни персидского государства вновь возросло: именно в это время были организованы сильнейшие гонения на христиан, которые проводились при активнейшем участии зороастрийского духовенства [9, с. 144 - 146]. Иными словами, сообщение Аммиана Марцеллина о крайне важной роли магов в современной ему Персии имеет под собой реальную почву и может иметь своим источником сведения, полученные автором "Деяний" от кого-то из персов (возможно, находившегося при Юлиане во время персидской экспедиции 363 г. сасанидского царевича Ормизда, перешедшего в свое время на сторону римлян) или же римлян (купцов, бывших пленными), хорошо знакомых с религиозной и общественной жизнью сасанидского Ирана⁹.

Положение о том, что маги в древности представляли собой одно из мидийских племен, является традиционным для античной историографии и встречается еще у Геродота (I. 101), а затем – у Страбона (XV. 3. 1). Следует отметить, что понимание античными писателями термина "маги" как этнонима является вполне обоснованным, поскольку сами персы использовали понятие "маги" в качестве племенного обозначения¹⁰. Те же авторы сообщают и о религиозных функциях, выполнявшихся исключительно магами уже при Ахеменидах (Herod. I. 132; Strabo. XV. 1. 68; 3. 13). Таким образом, повествуя о магах, Аммиан в целом следует весьма древней исторической традиции. Однако в непосредственной связи с рассказом Аммиана о магах состоит крайне любопытное и оригинальное сообщение об их отношениях с Гистаспом, отцом Дария I (XXIII. 6. 32 - 33). Историк пишет дословно следующее: "В древние времена многое из этой науки [магии. – В.Д.] значительно распространил... бактриец Зороастр (*Bactrianus addidit Zoroastres*), затем царь Гистасп, мудрейший отец Дария (*deinde Hystaspes rex prudentissimus Darei pater*)... Смело проникнув в неведомые области верхней Индии, прибыл Гистасп в уединенное лесное место, в спокойной тишине которого жили только брахманы, обладатели возвышенной мудрости. Под их руководством он постиг ... законы мирового движения, течения звезд и чистые обряды священнодействий. Из того, что он усвоил, передал он кое-что магам (*aliqua sensibus magorum infudit*), а эти последние из поколения в поколение передают это дальнейшим векам вместе с наукой предсказания будущего" (XXIII. 6. 32 - 34).

Что же стоит за этим сообщением Аммиана? Для ответа на этот вопрос целесообразно обратиться к другим источникам, затрагивающим вопрос о Гистаспе, его отношении к Дарию I и раннем зороастризме. Одним из них является сочинение Агафий. Агафий, будучи хорошо осведомленным относительно персидской истории (т.к. использовал в качестве источников персидские официальные документы¹¹), указывает, что "современные персы говорят просто и без всякого разъяснения, что он [Зороастр. – В.Д.] жил при Гистаспе, что вызывает недоумение и не позволяет знать точно, был ли это отец Дария или другой какой Гистасп" [1, II. 24]. Данные

---

⁸ Полный текст надписи Картира с английским переводом и отличной подборкой иллюстративного материала приведен в кн.: [56, рл. 15 - 21].

⁹ В связи с этим нельзя согласиться с мнением Я. ден Боефта, категорически отрицающего роль автопсии как источника для описания Аммианом современных ему магов и считающего это описание компиляцией сведений, взятых из сочинений предшествующих греко-римских авторов [см.: 48, р. 207 - 215].

¹⁰ Так, в Бехистунской надписи Дария I (§52) при перечислении побежденных Дарием противников Гаумата назван магом подобно тому, как Ашина назван эламитом, Мартия - персом, Фравартиш - мидянином, и т.д. О дискуссии по вопросу о происхождении магов и их социальной роли см.: [12, с. 374 - 380; 13, с. 84 - 85; 11, с. 312 - 315].

¹¹ Агафий сам пишет, что использовал специально переведенные для него неким переводчиком Сергием материалы сасанидских летописей из царских архивов (IV. 30).

Агафия показывают, что даже в VI в. н.э. (а в IV в. тем более) в Персии не существовало традиции о Виштаспе как отце Дария.

Оба автора – и Аммиан, и Агафий – сообщают сведения, являющиеся свидетельством возникновения совершенно новой традиции, согласно которой Виштаспа был покровителем Заратуштры. Это явилось отражением формирования в Иране светской эпической традиции ("национального эпоса"), которая впоследствии вылилась в создание "Книги царей" ("Худай-наме", затем – "Шах-наме") [см. об этом: 40, с. 11; 39, с. 19, 20; 49, р. 69; 59, р. 163 - 168].

Другой важный момент, связанный с сообщением Аммиана Марцеллина о Гистаспе, состоит в том, что здесь мы впервые в античной литературе встречаем пример отождествления двух Гистаспов – 1) отца Дария I и 2) покровителя Зороастра, проповедника его учения [62, р. 172]. Цитированное выше сообщение Агафия достаточно ясно указывает на то, что персы знали лишь одного Гистаспа – покровителя Зороастра; второй же - отец Дария - был им вообще неизвестен (в противном случае Агафий определенно сообщил бы об этом). Античная традиция до Аммиана, в свою очередь, напротив, знала только Гистаспа – отца Дария, и не знала Гистаспа – покровителя Зороастра. Отождествление Аммианом Марцеллином двух Гистаспов не имеет под собой никаких реальных оснований, носит чисто спекулятивный характер и обусловлено простым совпадением их имен, что в силу недостаточной осведомленности Аммиана относительно зороастрийской традиции о Гистаспе было вполне естественно¹². Причиной этого отождествления является стремление Аммиана дать свое (хотя и ошибочное) объяснение совпадению имен двух указанных персонажей персидской истории.

Следует также отметить, что в рассматриваемом фрагменте "Деяний" Зороастр назван бактрийцем, т.е. Аммиан придерживается мнения, согласно которому родиной пророка была Бактрия. Это указание Аммиана служит серьезным аргументом в пользу так называемой "бактрийской" гипотезы происхождения Заратуштры¹³ и, по всей видимости, является отражением очень древних представлений о восточно-иранской родине пророка, сохранившихся в светской эпической традиции ("Худай-наме"), но отсутствующих в авестийской литературе [40, с. 11; 39, с. 341 - 342¹⁴].

Резонно возникает вопрос об источниках, из которых Аммиан мог почерпнуть информацию о Гистаспе как покровителе Зороастра в Бактрии. Следует вспомнить предположение Э. Томпсона, согласно которому одними из главных информаторов Аммиана могли быть сумевшие вернуться на родину римляне, которые находились в персидском плену и прожили несколько лет в глубинных областях сасанидского государства [65, р. 27 - 28]. Кроме того, подобные сведения историк мог получить и от самого царевича Ормизда, находившегося, как и автор "Деяний", в римском войске во время персидского похода Юлиана 363 г.

Таким образом, Аммиан Марцеллин приводит весьма богатый и, как правило, достоверный материал о современной ему Персии, основанный главным образом на автопсии автора и потому содержащий много ценной (зачастую – уникальной) информации о Персидском государстве эпохи правления Шапура II.

---

¹² В связи с этим нельзя согласиться с мнением В.В. Струве, согласно которому отождествление Аммианом двух Гистаспов восходит к чисто иранской традиции (см.: [43, с. 135]). Из приведенных фактов видно, что в данном случае мы имеем дело с попыткой Аммиана Марцеллина объединить две традиции - античную (о Гистаспе - отце Дария) и персидскую (о Виштаспе - покровителе Заратуштры).

¹³ Критический обзор концепций возникновения зороастризма см.: [40, с. 4 - 6; см. также: 41, с. 99; 14, с. 278 - 279].

¹⁴ Схожую позицию занимал в свое время Б.А. Тураев, отмечавший, что "Авеста, как это весьма вероятно, возникла на востоке Ирана" [45, с. 554].

Источники

1. Agathiae Mirinaei Historiarum libri quaque cum versione latina. Accedunt Agathiae epigrammata / Rec. B. G. Nieburus. Bonnae, 1828. - Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. с древнегр. М.В. Левченко. М.; Л., 1953.
2. Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Bd. 1 - 4. В., 1968 - 1971. - Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. Вып. 1 - 3. Киев, 1906 - 1908; СПб., 1996.
3. Herodiani Ab excessu divi Marci libri VIII / Ed. K. Stavenhagen. Lipsiae - Berolini, 1922. - Геродиан. История императорской власти после Марка / Пер. с древнегр. А.И. Доватура и др. СПб., 1995.
4. P. Cornelii Taciti libri qui supersunt. Vol. 1 - 2 / Ed. E. Koestermann. Lipsiae, 1962. - Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. А.С. Бобовича и др. М., 2001.
5. Plutarchi Vitae parallelae. Vol. 1 - 5 / Rec. C. Sintenis. Lipsiae, 1908 - 1912. - Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1 - 3 / Пер. с древнегр. С.П. Маркиша и др. М., 1961 - 1964.
6. Q. Curtii Rufi Historiarum Alexandri Macedonis libri qui supersunt / Rec. E. Hedicke. Lipsiae, 1908. - Курций Руф Квинт. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги / Пер. с лат. В.С. Соколова. М., 1963.
7. Strabonis Geographica. Vol. 1 - 3 / Ed. A. Meineke. Lipsiae, 1904 - 1909. - Страбон. География / Пер. с древнегр. Г.А. Стратановского. М., 1964.

Литература

8. Амбарцумян А.А. Этноним "хйаона" в Авесте // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. 1 (26). СПб., 2002.
9. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987.
10. Городище Топрак-кала. Раскопки 1965 - 1975 гг. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 12. М., 1981.
11. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
12. Дьяконов И.М. История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н.э. М. - Л., 1956.
13. Дьяконов М.М. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
14. История Востока. Т. 1. Восток в древности. М., 2000.
15. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.
16. Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами (Иран при "праведных" халифах). М., 1982.
17. Колесников А.И. Иран в начале VII в. (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). Л., 1970.
18. Кошеленко Г.А. Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971.
19. Литвинский Б.А. Бактрийцы на охоте // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. 1 (26). СПб., 2002.
20. Литвинский Б.А. Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
21. Луконин В.Г. Варахран II и Нарсе // Вестник древней истории. 1964. № 1.
22. Луконин В.Г. Иран в III - IV вв. (Сложение Сасанидского государства и формирование официального стиля в искусстве). Л., 1961.
23. Луконин В.Г. Иран в III в. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979.
24. Луконин В.Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры. Л., 1961.
25. Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана (основные этапы) // История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971.
26. Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.
27. Луконин В.Г. Картир и Мани // Вестник древней истории. 1966. № 3.
28. Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III - V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.
29. Моммзен Т. История Рима. Т. 4. СПб., 1995.
30. Периханян А.Г. Древнеармянские востаники // Вестник древней истории. 1956. № 2.
31. Пигулевская Н.В. Ближний Восток. Византия. Славяне. М., 1976.

32. Пигулевская Н.В. Византийская дипломатия и торговля шелком в IV - VII вв.
33. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М., Л., 1946.
34. Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV - VI вв. М., 1951.
35. Пигулевская Н.В. Города Ирана в раннем средневековье. М., Л., 1956.
36. Пигулевская Н.В. Производство шелка в Византии и Иране в IV в. // Византийский временник. 1956. Вып. 10.
37. Пьянков И.В. [Рец. на] Marek J. Olbrycht. Parthia et ultiores gentes: die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München, 1998 // Вестник древней истории. 2002. № 3.
38. Пьянков И.В. Древнейшие государственные образования Средней Азии (опыт исторической реконструкции) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001.
39. Пьянков И.В. Древнейшие эпические циклы "Шах-наме" // Известия АН Республики Таджикистан. Серия: востоковедение, история, филология. 1994. № 2.
40. Пьянков И.В. Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени // Вестник древней истории. 1996. № 3
41. Пьянков И.В. Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана (Административная политика Кира II на северо-востоке его державы) // Вестник древней истории. 1961. № 4.
42. Рак И.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.-М., 1998.
43. Струве В.В. Родина зороастризма // Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
44. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
45. Тураев Б.А. История Древнего Востока. Минск, 2002.
46. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
47. Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
48. Boeft J., den. Pure rites. Ammianus Marcellinus on the Magi // The late Roman world and its historian. Interpreting Ammianus Marcellinus. L., N.-Y., 1999.
49. Cameron A. Agathias on the Sassanians // *Dumbarton Oaks Papers*. 1969 - 1970. № 23/24.
50. Chaumont M.L. Ammianus Marcellinus // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 1. L., N.-Y., 1986.
51. Cambridge history of Iran. Vol. 3. The Seleucid, Parthian and Sasanian periods / Ed. By E. Yarshater. Cambridge - L., N.-Y., New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1983.
52. Christensen A. L'Iran sous les Sasanides. Copenhagen, 1944.
53. Ensslin W. Tamsapor // *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa. Reihe 2. Hbd. 8. Stuttgart, München. 1932.
54. Frye R.N. The history of Ancient Iran. München, 1984.
55. Henning W.B. A new Parthian inscription // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1935.
56. Herrmann G., Howell R. Iranische Denkmäler. Reihe 2. Iranische Felsreliefs. Lieferung 8. D. Naqsh-i Rostam 5 and 8. Sasanian reliefs attributed to Hormuzd II and Narseh. B., 1977.
57. Herrmann G., Mackenzie D.N., Howell R. Iranische Denkmäler. Reihe 2. Iranische Felsreliefs. Lieferung 13. G. The Sasanian rock reliefs at Naqsh-i Rostam. B., 1989.
58. Kröger J. Ctesiphon // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 6. L., N.-Y., 1993.
59. Pyankov I.V. On the problem of the origin of the ancient epic cycles in the Shahname // *Firdowsi's Shahname: 1000 years after*. Dushanbe, 1994.
60. Rostovtzeff M.I., Welles C.B. A parchment contract of loan from Dura-Europos on the Euphrates // *Yale Classical Studies*. 1931. Vol. 2.
61. Shabazi A.Sh. Coronation // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 6. L., N.-Y., 1993.
62. Shabazi A.Sh. Goštāsp // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 11. L., N.-Y., 2002.
63. Sundermann W. Bidaxš // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 4. L., N.-Y., 1989.
64. Survey of Persian art from prehistoric times to the present. Vol. 2. Architecture, the ceramic arts, calligraphy and epigraphy. L., N.-Y., 1939.
65. Thompson E.A. The historical work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947.
66. Waelle E., de. L'investiture et le triomphe dans la thématique de la sculpture rupestre sassanide // *Archaeologia Iranica et Orientalis*. Miscellanea in honorem Louis vander Berghe. Edenda curavit L. de Meyer et E. Haernick. Vol. 2. Gent, 1989.
67. Wieshöfer J. Ardašir I. I. History // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 2. L., N.-Y., 1986.